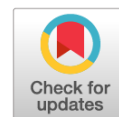


УДК 347.94

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642089>

Фальсификация доказательств как форма проявления лжи в гражданском и арбитражном процессе

О.А. Сухорукова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема фальсификации доказательств в гражданском и арбитражном процессе. Наряду с ложными сведениями о фактах спора, которые стороны и третьи лица представляют суду в своих объяснениях, намеренное искажение обстоятельств дела может проявляться и виде фальсификации доказательств. Обосновывается необходимость включения в понятие фальсификации доказательства как материального, так и интеллектуального подлога. Акцентирование внимания на обоих способах подлога обусловлено позицией Верховного Суда РФ, согласно которой фальсификацию образует только подлог материальный, что представляется ошибочным подходом. Предлагаются также меры процессуального реагирования в отношении лиц, приобщающих подложные доказательства. Особо подчеркивается необходимость надлежащей процессуальной реакции на факты «соучастия» в фальсификации представителей лиц, участвующих в деле, вплоть до применения к ним процессуальных санкций и дисциплинарных мер в отношении адвокатов.

Ключевые слова: достоверность доказательств; фальсификация доказательств; материальный подлог; интеллектуальный подлог; истина; процессуальные санкции; исключение доказательства.

Как цитировать

Сухорукова О.А. Фальсификация доказательств как форма проявления лжи в гражданском и арбитражном процессе // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 4. С. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642089>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642089>

Falsification of evidence as a form of manifestation of lies in civil and arbitration proceedings

O.A. Sukhorukova

Voronezh State University, Voronezh, Russia

ABSTRACT

The article considers the problem of falsification of evidence in civil and arbitration proceedings. Along with false information about the facts of the dispute, presented to the court by the parties and third parties in their explanations, intentional distortion of the circumstances of the case may also manifest itself in the form of falsification of evidence. The work substantiates the need to include both material and intellectual forgery in the concept of falsification of evidence. The emphasis on both methods of forgery is due to the standpoint of the Supreme Court of the Russian Federation, which declares that only material forgery constitutes falsification, which seems to be an erroneous approach. Procedural response measures are also proposed in relation to persons who submit false evidence. Particular emphasis is placed on the need for an appropriate procedural response to the facts of “complicity” in falsification by representatives of persons participating in the case, up to and including the application of procedural sanctions to them and disciplinary measures against barristers.

Keywords: reliability of evidence; falsification of evidence; material forgery; intellectual forgery; truth; procedural sanctions; exclusion of evidence.

To cite this article

Sukhorukova OA. Falsification of evidence as a form of manifestation of lies in civil and arbitration proceedings. *Russian journal of legal studies*. 2024;11(4):101–106.

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642089>

Received: 20.11.2024

Accepted: 05.12.2024

Published online: 29.12.2024

Ложь стала спутником современного судебного процесса — это реальность, которую необходимо признать, но с которой нельзя смириться, если мы хотим сохранить правосудие как основу правового государства. Здесь следует согласиться с И. Кантом, который писал: «Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого; и хотя тому, кто принуждает меня к показанию, не имея на это права, я не делаю несправедливости, если искажаю истину, но все-таки таким искажением, которое поэтому должно быть названо ложью (пусть не в юридическом смысле), я нарушаю долг вообще в самых существенных его частях: т.е. поскольку это от меня зависит, я содействую тому, чтобы никаким показаниям (свидетельствам) вообще не давалось никакой веры и чтобы, следовательно, все права, основанные на договорах, разрушались и теряли свою силу; а это есть несправедливость по отношению ко всему человечеству вообще».

Таким образом, определение лжи, как умышленно неверного показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [1, с. 73].

В этом смысле никакая легитимация лжи не может быть приемлема с точки зрения самой идеи правосудия, и, значит, законодательство должно быть абсолютно нетерпимо ко лжи в суде. Вместо этого мы видим неуместно либеральный подход в отношении сторон и третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе, при котором их лживые объяснения по фактам спора не влекут для них сколько-нибудь серьезных правовых последствий, во всяком случае таких последствий, угроза наступления которых имела бы какое-то превентивное значение вплоть до уголовной ответственности за лжесвидетельство. Очевидно, такой подход требует пересмотра.

Однако лживые объяснения не единственная форма лжи в суде. Еще одним значимым ее проявлением является фальсификация доказательств. Говоря в категориях уголовного права, можно сказать, что эта форма представляет собой куда более общественно опасное деяние, поскольку, перевирая факты в объяснениях, мы лишь создаем ложный образ реальности у конкретного судьи, а, например, подделывая документы, мы сверх того «за-дним числом переделываем» эту реальность, извращаем ее в исторической памяти. И это не преувеличение. О том, что происходит сегодня, будут судить по тем документам и свидетельствам, которые обнаружат завтра, и тогда отличить правду от лжи будет почти невозможно. Но вернемся к проблемам процесса.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ) содержит ст. 186, согласно которой в случае заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства¹.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее — АПК РФ) в ст. 161 предлагает более развернутое регулирование, а именно:

1. Если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд:

1) разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления;

2) исключает оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу;

3) проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу.

В этом случае арбитражный суд принимает предусмотренные федеральным законом меры для проверки достоверности заявления о фальсификации доказательства, в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры.

2. Результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания².

Оба кодекса, как видно, не дают понятия подложного или, соответственно, сфальсифицированного доказательства.

В юридической литературе устоялось представление о подложном доказательстве как о документе, не соответствующем действительности вследствие искусственного создания видимости его существования или вследствие искажения содержания реально существующего документа.

В первом случае речь идет об интеллектуальном подлоге, который, по мнению А.Т. Боннера, выражается в составлении и выдаче документа, правильного с формальной стороны (наличие и правильность всех реквизитов), но содержащего заведомо ложные сведения (например, подложная накладная, составленная по всей форме, на надлежащем бланке полномочными лицами на перевозку фактически не оприходованного или незаконно изготовленного товара) [2, с. 437].

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=489141&dst=100001#rcyZeUUjij1EVxah1> (дата обращения: 20.11.2024).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&md=xTRZw&base=LAW&n=482731&cacheid=4C3B9EBE1C401EA59190C792A8AE443C&mode=rubr#8BjbeUUkrD8FmyYr> (дата обращения: 20.11.2024).

Во втором случае мы имеем дело с материальным подлогом, который представляет собой искажение реально существующего документа путем исправлений, дописок и т.п. Собственно, именно такие документы именуют поддельными.

При всей очевидной значимости для правильного разрешения дела обоих вариантов подлога, Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» указал, что в порядке ст. 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, то есть совершением действий, выразившихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста). В силу ч. 3 ст. 71 АПК РФ не подлежат рассмотрению по правилам названной статьи заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе)³.

Таким образом, констатация недостоверности доказательства не влечет никаких существенных последствий для лица, его приобщившего к делу, помимо того, что такое доказательство не будет использовано судом для целей установления соответствующих фактов. Оценивая данный вывод Верховного Суда РФ, следует, прежде всего, проанализировать использование в данном контексте понятия недостоверности доказательства.

Понятие достоверности доказательства закреплено в ч. 3 ст. 71 АПК РФ. С точки зрения законодателя, доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности. Прав М.З. Шварц, утверждающий, что «невозможно осуществить проверку доказательства на его соответствие действительности, ибо никакого знания действительности у суда нет. Более того, известная проблема характера устанавливаемой судом истины (объективной или формальной) как раз в том и состоит, что имевшим место в действительности будет считаться то, что установлено судом» [3].

Продолжая эту мысль, отметим, что характеристика достоверности, конечно, должна отражать соответствие действительности содержащихся в доказательстве

сведений. Однако в суде мы все же имеем дело не с самой действительностью, а с наиболее вероятной, с точки зрения суда, ее версией, и потому вывод о достоверности должен формулироваться через понятия убедительности, непротиворечивости и достаточности. Если доказательство позволяет суду сформировать устойчивое мнение о реальных фактах дела и таким образом принять его за основу как наиболее вероятную версию событий, такое доказательство признается им достоверным, то есть таким, которое он готов положить в основу своих выводов. Определенная степень допущения всегда будет присутствовать, поскольку все суждения об обстоятельствах дела лиц, не являющихся их прямыми участниками, носят вероятностный характер.

Резюмируя, можно сказать, что достоверность доказательства не является объективной характеристикой, поскольку отражает только степень доверия к нему со стороны суда. Собственно, этот смысл заложен и в самом термине: достоверный — значит достойный веры.

Таким образом, подложное доказательство не может быть достоверным и, следовательно, использоваться для разрешения дела. Однако утрата доверия к доказательству может быть обусловлена разными причинами, среди которых важнейшее место занимает получение сведений о фальсификации доказательства. При этом представляется необоснованным вывод Верховного Суда РФ о неприменимости норм о фальсификации к заявлениям о недостоверности доказательств, например о несоответствии действительности фактов, изложенных в письменном доказательстве, поскольку такое несоответствие может быть следствием прямой фальсификации в виде интеллектуального подлога.

Неоднозначную позицию по этому вопросу в указанной выше статье демонстрирует М.З. Шварц, предлагая для целей разделения понятий недостоверности и фальсификации строго разделять содержание и форму доказательства, поскольку фальсификация формы, с его точки зрения, отнюдь не означает ложного содержания. В обоснование своего вывода он приводит пример со сфальсифицированной истцом для судебного разбирательства распиской по договору займа, которая реально не составлялась, но притом верно отражает действительные отношения сторон.

Представляется, что в данном случае неверно оценена сама реальность и тот ее след, который фиксирует расписка. Речь ведь идет не только о том, что деньги переданы, но и о том, что эта передача не скреплена выдачей той самой расписки. То есть расписка, если бы она была, подтверждала бы как факт заключения договора займа и передачи денег, так и сам факт составления расписки. Следовательно, любая фальсификация доказательства не ограничивается ущербом форме, но означает искажение реальности, поскольку полуправда — это тоже ложь. То есть фактически она представляет собой и материальный, и интеллектуальный подлог одновременно.

³ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=404664&dst=1000000001&cacheid=077D9D3B08A336606A5F7C0108E405AF&m ode=splus&md=xTRZw#kHHfeUU4GVp2MWlk2> (дата обращения: 20.11.2024).

Таким образом, любое приобщение сфальсифицированного доказательства должно иметь негативные последствия для лица, его представившего. Исключение могут составлять случаи, когда такое лицо действует неосознанно, то есть не знает о подложности доказательства. Квалификация ситуации должна зависеть от характера причастности лица, участвующего в деле, к такой фальсификации. Так, если лицо, приобщающее доказательство, знает о его подложности, независимо от того, является ли оно создателем такого доказательства, в-первых, должна последовать уголовная ответственность по ст. 303 УК РФ; во-вторых, в отношении такого лица необходимо принятие процессуальных мер в рамках рассмотрения соответствующего гражданского дела, а именно констатация его недобросовестности с возложением судебных расходов и наложением судебного штрафа за неуважение к суду; в-третьих, конечно, исключение такого доказательства из числа доказательств по делу.

Если лицо, представившее подложное доказательство, не знало о его подложности, последствием для него в случае выявления этого факта будет только исключение доказательства из числа доказательств по делу, то есть санкции в отношении него лично не могут быть применены.

Еще одним важным вопросом является вопрос о том, повлечет ли установление факта подложности доказательства какие-то последствия для представителя соответствующей стороны. Представитель в процессе оперирует теми доказательствами и теми сведениями об обстоятельствах дела, которые ему сообщил доверитель, вследствие чего может показаться, что констатация фальсификации стороной доказательства его затронуть не может. Это не так. Если представитель участвовал в фальсификации (а зачастую именно он является ее инициатором) или даже осведомлен о том, что она имела место, негативные последствия должны наступить и для него. Конечно, устанавливать факты такой осведомленности или соучастия надлежит в рамках расследования уголовного дела, однако существует возможность реагирования и в гражданском процессе. Так, если представитель приобщает к материалам дела доказательства, содержащие взаимоисключающие сведения об обстоятельствах спора, и, соответственно, дает по ходу рассмотрения дела противоречивые объяснения (например,

сначала утверждает, что договор подписан директором юридического лица, а потом, что директор договор не подписывал), это может и должно быть интерпретировано судом как намеренная ложь и неуважение к суду с возложением на представителя судебного штрафа и, если он имеет статус адвоката, с вынесением соответствующего частного определения для целей привлечения его к дисциплинарной ответственности. Кстати, основания для этого предусмотрены Кодексом профессиональной этики адвоката. Так, в соответствии с п. 1 ст. 4 «адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии», согласно п. 1 ст. 8 «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности», и, наконец, п. 1 ст. 10 устанавливает, что «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»⁴.

Вообще, следует отметить, что ложь в суде как в виде дачи ложных объяснений, так и в виде фальсификации доказательств есть, помимо прочего, безусловное проявление неуважения к суду, и поэтому соответствующие меры к уличенным во лжи участникам процесса должны применяться всегда, игнорирование таких фактов неприемлемо. Притом для профессиональных участников процесса последствия должны быть более тяжкими, чем для сторон, поскольку они в большей степени осознают или, во всяком случае, должны осознавать ущерб ценностной системе правосудия, на которую они посягают подобным недобросовестным поведением.

Следует поддержать позицию С.Ф. Афанасьева, по мнению которого заведомая ложь лиц, участвующих в деле, выразившаяся не только в активных действиях, но и в преднамеренном пассивном бездействии, является недобросовестным поведением, свидетельством злоупотребления своими процессуальными доказательственными правами и обязанностями [4, с. 27]. Пришло время всерьез задуматься об ужесточении позиции государства в этом вопросе и пересмотреть в сторону значительного повышения стандарт добросовестного поведения участников судебного разбирательства по гражданским делам.

⁴ Кодекс профессиональной этики адвоката. Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 20.11.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. I. Об известной поговорке: это может быть верно в теории, но не годится в практике; II. О мнимом праве лгать из человеколюбия. Санкт-Петербург: типография А. Бенке, 1913. 78 с.
2. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Санкт-Петербург: Юридическая книга, 2009. 831 с. EDN: QRIFQR
3. Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 79–92. EDN: ULLZKH
4. Афанасьев С.Ф. О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. 2020. № 1. С. 22–28. EDN: HSSZTC doi: 10.18572/1812-3929-2020-1-22-28

REFERENCES

1. Kant I. *On the well-known proverb: this may be true in theory, but is not good in practice; II. On the imaginary right to lie out of philanthropy*. Saint Petersburg: A. Benke printing house; 1913. 78 p. (In Russ.)
2. Bonner A.T. *Problems of establishing the truth in civil proceedings*. St. Petersburg: Legal book; 2009. 831 p. (In Russ.) EDN: QRIFQR
3. Schwartz MZ. On the issue of falsification of evidence in arbitration proceedings. *Arbitration disputes*. 2010;(3):79–92. (In Russ.) EDN: ULLZKH
4. Afanasyev SF. On the right to lie in a civil procedure and means to level it (including taking into account electronic technologies). *Lawyer*. 2020;(1):22–28. EDN: HSSZTC doi: 10.18572/1812-3929-2020-1-22-28

ОБ АВТОРЕ

Ольга Александровна Сухорукова, канд. юрид. наук, доцент;
eLibrary SPIN: 6212-5690;
e-mail: osuhorukova@gmail.com

AUTHOR INFO

Olga A. Sukhorukova, Cand. Sci. (Jurisprudence), associate professor; eLibrary SPIN: 6212-5690;
e-mail: osuhorukova@gmail.com